

«ЗАКОН ОБ ОПАСНЫХ МЫСЛЯХ» И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ ЯПОНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 20-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 40-Х ГГ. XX ВЕКА

Ветерков Александр Иванович

Кандидат исторических наук, доцент, Российская
открытая академия транспорта Российского
университета транспорта (г. Москва)
aveterkov@yandex.ru

"THE LAW ON DANGEROUS THOUGHTS" AND ITS IMPACT ON THE POLITICAL LIFE OF JAPAN IN THE SECOND HALF OF THE 20S - THE FIRST HALF OF THE 40S OF THE XX CENTURY

A. Veterkov

Summary: The purpose of the study is to study one of the most repressive laws of Japan that influenced the political life of Japanese society in the second half of the 20s – first half of the 40s of the last century, the "Law on the Protection of Public Peace", otherwise referred to as the "Law on Dangerous Thoughts" (the second unofficial name of the regulatory legal act has become the most widespread).

The article examines the factors that contributed to the adoption of repressive legislation in the specified historical period, reveals its essence, the mechanism of law enforcement in the fight against dissidents.

According to the results of the study, it was concluded that the efforts of the Japanese militaristic ruling regime did not contribute to the defeat of the opposition forces. The attempt of total state control over the lives of subjects, including the desire to exercise control over thoughts, is also carried out in modern society. But violence based solely on fear, and not on the power of persuasion, leads only to the imaginary support of the authorities. History has proved with its numerous examples that the political method of persuasion is much more effective than the method of direct violence.

The theoretical and practical significance lies in the study of scientific literature on the stated problem (based on the weak knowledge of the topic in Russian historiography), and in the use of the research results in practical activities when making political decisions.

Keywords: Japan, "Law on dangerous thoughts", "kokutai", militarism, political methods.

Аннотация: Целью исследования является изучение одного из самых репрессивных законов Японии, оказавших влияние на политическую жизнь японского общества второй половины 20-х – первой половины 40-х гг. прошлого столетия «Закона об охране общественного спокойствия», иначе именуемого «Законом об опасных мыслях» (второе неофициальное название нормативно-правового акта получило наибольшее распространение).

В статье рассматриваются факторы, способствовавшие принятию репрессивного законодательства в указанный исторический период, раскрывается его суть, механизм правоприменения в борьбе с инакомыслящими.

По результатам проведённого исследования был сделан вывод о том, что усилия японского милитаристского правящего режима не способствовали разгрому оппозиционных сил. Попытка тотального государственного контроля над жизнью подданных, в том числе желание осуществить контроль над мыслями осуществляется и в современном социуме. Но насилие, основанное исключительно на страхе, а не на силе убеждения, приводит лишь к мнимой поддержке власти. Своими многочисленными примерами история доказала, что политический метод убеждения гораздо более эффективен, нежели метод прямого насилия.

Теоретическая и практическая значимость заключается в исследовании научной литературы по заявленной проблеме (исходя из слабой изученности темы в отечественной историографии), и в использовании результатов исследования в практической деятельности при принятии политических решений.

Ключевые слова: Япония, «Закон об опасных мыслях», «кокутай», милитаризм, политические методы.

В начале прошлого столетия в политической системе Японии, сформировавшейся вследствие принятия Конституции 1889 г., можно было выделить две противоречивые тенденции: с одной стороны, произошла её демократизация, что было вызвано давлением на власть различных оппозиционных сил – широкого фронта, включавшего в себя либералов, социалистов, коммунистов, представителей крестьянских организаций; с другой стороны, параллельно с этим происходило усиление репрессивных функций государства, что в итоге привело к установлению в Японии в 1930-х гг. фашист-

ской диктатуры.

Нам представляется важным проследить причину, по которой либеральные преобразования, начатые в первые два десятилетия XX столетия и давшие основания историкам говорить о становлении эпохи «демократии Тайсё», не получили логического завершения и не предотвратили ни наступления эпохи милитаризма и политического террора, ни втягивания Японии во Вторую мировую войну.

Актуальность данной темы усиливается тем, что от-

ечественные историки, по сути, обошли вниманием данный период политической истории Японии [5, с.4]. Главным образом, в отечественной историографии рассматривались аспекты, касавшиеся общих черт политического режима Японии, складывавшегося во второй половине 20-х гг. прошлого столетия, окончательно оформившегося в 1930-х гг. и рухнувшего в результате Второй мировой войны. Наиболее известными считаются работы О. Танина, Е. Иогана [8], И.В. Мазурова [4]. Самым крупным трудом является коллективная монография, изданная в СССР под редакцией Е.М. Жукова, в которой уделяется большое внимание борьбе японских правящих кругов против появления в обществе «опасных мыслей» [10, с.104]. Однако, несмотря на огромную научную ценность, заключающуюся в опоре на японские источники и литературу, введение в научный оборот большого фактологического материала, авторы раскрывают корни политического режима Японии исследуемого нами периода, но несколько оставляют в стороне предмет нашего исследования, что вполне логично объясняется наличием «мыслепреступников» в СССР, а политические аналогии между Советским Союзом и милитаристской Японией проводить было идеологически недопустимо.

Из зарубежных исследований следует выделить монографию Р. Симса [12], в которой автор достаточно подробно раскрывает изменения, происходившие в политической системе Японии в 1930-х гг., детально излагает всю политическую историю Японии от «Реставрации Мэйдзи» до конца XX в; работу известных французских востоковедов Елисефф В. и Елисефф Д., применительно к данному исследованию рассматривающих позицию японского руководства о миссии Японии руководить миром духовно и материально, особом духе единения японской нации основанном на синтоизме [2], а также целый ряд исследований о складывании тоталитарного однопартийного государства в Японии [11]. Но опять же, нормативно-правовой акт, положивший начало складыванию тоталитарного режима в Японии, не являлся предметом пристального изучения историков-востоковедов.

Целью данного исследования является выявление факторов, способствовавших принятию и реализации на практике в Японии в 1925 г. закона об охране общественного спокойствия, более известного в истории под названием «Закон об опасных мыслях». Данный нормативно – правовой акт, принятый в милитаристской Японии, интересен для исследователя тем, что карал не только за совершённое преступление, но и за намерение его совершить, что противоречит одному из важнейших признаков юридической ответственности – осуждению за конкретно противоправное деяние, а не за умысел его осуществления. Согласно закону, всякое лицо, участвующее в организации, имеющей целью изменить государственный строй или уничтожить систему частной

собственности, приговаривалось к каторжным работам или тюремному заключению на срок до 10 лет. Данное положение вполне встраивается и в современную правоприменительную практику, когда государство защищает себя и своих граждан от посягательств экстремистски настроенных сил. Но обращает на себя внимание тот факт, что наказанию подвергались также те подданные Императора, которые только намеревались совершить указанное преступление. Противоправными деяниями признавались агитация в пользу его совершения или же простое его обсуждение. Подобное каралось тюремным заключением либо каторжными работами сроком до 7 лет [6].

В 1928 г. законодательные нормы были ужесточены – глава японского правительства Танака Гиити добился изменения наказания с 10 лет тюремного заключения, либо каторжных работ, до смертной казни. Главными жертвами ужесточения правовой нормы стали члены Коммунистической партии Японии, либо сочувствующие им подданные Императора.

15 марта 1928 г. в Японии произошли события, вошедшие в историю как «инцидент 15 марта 1928 года». В этот день начались массовые аресты не только коммунистов, но и социалистов, ставившие своей целью нейтрализацию коммунистической и социалистической пропаганды среди японского населения, главным образом среди рабочих. По обвинению в посягательстве на национальную идею «кокутай» и сотрудничество с левыми партиями, главным образом коммунистами, было арестовано свыше 1600 человек. Таким образом, это был удар не только против левых сил. Данное событие стало прецедентом – отныне любая оппозиционная деятельность могла быть расценена как посягательство на «кокутай», тем самым давая правящему режиму и силовым структурам возможность бороться с любыми проявлениями инакомыслия в стране. Создание специального карательного института «сисо – кэндзи» («прокуратуры мысли») послужило началом борьбы с «мыслепреступниками». Сначала несогласных с правящим режимом психологически обрабатывали, заставляя отказаться от своих политических взглядов, вербовали с целью дальнейшего выявления их бывших соратников; наиболее убеждённые подвергались репрессиям.

Деятельность представителей оппозиционных сил, главным образом коммунистов и социалистов, отслеживалась на всей территории Японии (в том числе и на принадлежащих ей тогда Курильских островах и южном Сахалине). Этой работой занималось подразделение «токко кэйсацу» – особая высшая полиция, которая стала известна под названием «полиция мыслей».

Под контроль брались учебные заведения. При министерстве образования Японии было образовано «сту-

денческое отделение» полиции, которое строго следило за деятельностью профессорско – преподавательского состава высших учебных заведений и студенческой молодёжи.

На практике стало происходить то, что японцы уже не смогли высказывать собственное мнение находясь в каких-либо публичных местах. Власти страны стали открыто запугивать её жителей – призраки шпионов были везде. «И у стен бывают уши» - подобного рода пропагандистские лозунги можно было увидеть в Японии второй половины 20-х – первой половины 40-х гг. XX столетия. Официальная пропаганда убеждала японцев в том, что большинство секретной информации добывается врагами далеко не из полученных документов, а из простых разговоров обычных людей друг с другом. Отдавая дань справедливости следует отметить, что подобного рода практика была характерна и для других стран. Символом тревожного времени в СССР стал знаменитый агитационно- пропагандистский плакат «Не болтай!», созданный летом 1941 г. Но это было страшное время для страны – такие призывы были обусловлены военным положением. В ситуации же с милитаристской Японией подобного рода действия использовались в целях расправы с политической оппозицией.

Правоприменительная практика, возникшая в результате реализации Закона об опасных мыслях, подавляла любое проявление свободы слова и применялась для расправы над инакомыслящими. Под его действие попадали не только сторонники коммунистической и социалистической идеологии, но и как принято сейчас говорить «медийные персоны» - чиновники, журналисты, которые имели оплошность высказаться против действий правящего режима; всем им угрожало обвинение в государственной измене.

В рамках проводимого исследования возникает справедливый вопрос – какие же события послужили причиной для столь сурового ужесточения законодательства и применения репрессивных механизмов над сторонниками достаточно слабой политической оппозиции? В Японии назревало недовольство проводимой правительственной политикой. Японская интервенция против Советской России закончилась крахом, и в октябре 1922 г. японские интервенты были изгнаны из Владивостока. 1 сентября 1923 г. наиболее населённая часть японского архипелага была разрушена сильнейшим землетрясением. В течение 7 лет удалось восстановить разрушенную стихией инфраструктуру, но в эти годы обнаружились серьёзные противоречия как в экономической, так и в социальной сферах жизни японского общества, что не замедлило сказаться и в политической жизни. Около половины всех расходов страны составляли траты на военные нужды, что ложилось тяжёлым гнѐтом на плечи трудящихся. Продолжительность рабо-

чего дня была велика, заработная плата - мала. Многие рабочие не имели жилья и спали на фабриках, оставшаяся часть ютилась в жалких лачугах. Жизненно-бытовые неурядицы способствовали росту стачечного движения, пик которого пришѐлся на середину 1920-х гг. [9].

Все политически активные деятели оппозиции подзревались в связях с Советским Союзом, который являлся в тот период времени не только геополитическим, но и идеологическим противником Японии, способным подорвать идеи «кокутай» в среде рабочей и студенческой молодёжи, интеллигенции. Репрессии, проводимые в стране, привели к закрытию многих издательств, в том числе печатавших переводную русскую литературу. Был закрыт журнал «Сеятель», выходивший с 1921 по 1923 гг., являвшийся средством пропаганды марксистской литературы, публиковавший воззвания в поддержку Советской России [3, с.135]. Японские власти обвиняют оппозицию в связях с иностранными государствами, объявляют их деятельность преступной, выходящей за пределы государственной границы. Оппозиционная деятельность стала квалифицироваться как участие в международной преступной организации, для которой был характерен более высокий показатель квалификации, более расширенный диапазон и принципиально иной уровень профессионализма [1, с.11], отличный от локальных преступных организаций, действующих исключительно внутри страны и не связанных с международной сетью.

Стремление не допустить влияния оппозиционных сил на политические процессы в милитаристской Японии также были вызваны ещё одним обстоятельством – в 1925 г. был принят закон о всеобщем избирательном праве для мужчин. Он отменял прежний, где избирательное право ставилось в зависимость от наличия собственности (имущественный ценз). Оставалось несколько иных ограничений, например, ценз оседлости – избиратель должен был проживать в соответствующем округе не менее года. Таким образом, расширение избирательных прав за счёт менее обеспеченных слоёв населения грозило попаданием в парламент представителей левых сил, чьи интересы они защищали, тем самым изменения в законодательстве должны были защитить правящий режим от подобного рода политических рисков.

Следующим витком усиления террора против инакомыслящих стала военная интервенция японской армии в Маньчжурию с последующим созданием на её территории марионеточного государства Маньчжоу-го. Любая критика вооружённых сил Японии трактовалась как помощь врагу. На основании Закона об опасных мыслях аресту стали подвергать не только лиц, призывающих к свержению режима, но и всех несогласных с милитаристской политикой руководства страны. Закон применяли к тем, кто критиковал действия японской армии,

совершаемые военнослужащими преступления против китайского мирного населения.

Нарастание социально-экономических и политических противоречий вынудило японский правящий режим использовать военно-полицейские методы в борьбе с оппозиционным движением, опираясь на принятие подобного рода нормативно-правовых актов, которым и являлся Закон об опасных мыслях 1925 г.

Закон об опасных мыслях действовал вплоть до его отмены в 1945 г., когда японская Квантунская армия была разгромлена союзниками по антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне. Падение фашистско-монархического режима привело к изменению всего политического строя Японии. Под воздействием небывалого подъёма демократических сил, контролем оккупационной администрации был взят курс на искоренение культа императора, развенчание историко-политических мифов о божественном происхождении Страны восходящего солнца. Вслед за идеологическими преобразованиями изменения коснулись политической системы Японии, затронув силовые и карательные органы. Ликвидации подлежали Военное и Морское министерства, Министерство внутренних дел, «только кэйсацу» – те органы государственной власти, которые наиболее ярко воплощали своей деятельностью милитаристский, карательный характер японской политики, борьбу с инакомыслием; роспуску подлежала Японская Квантунская армия. Вне закона были объявлены не только откровенно фашистские, но и ультранационалистические организации. Все эти изменения не могли не коснуться и японского законодательства, и закон об охране общественного спокойствия, иначе называемый Законом об опасных мыслях, был отменён.

Завершая данное исследование, выявим факторы, способствовавшие принятию и реализации репрессивного законодательства в милитаристской Японии второй половины 1920-х – 40-х гг.

1. тяжёлое социально – экономическое положение значительной части трудящегося населения (ра-

бочих, крестьянства, служащих, студенчества), обусловленное непомерными расходами бюджета страны на военные нужды и ликвидацией последствий природной стихии;

2. изменения выборного законодательства, открывавшего возможность для политической оппозиции наличия представительства в законодательном органе власти;
3. рост популярности среди широких слоёв населения оппозиционных (главным образом коммунистических и социалистических) идей, ставший отголоском революционных событий в Советской России;
4. милитаристская политика японского правительства, не допускавшая критики деятельности власти в период участия страны в международных конфликтах;
5. общемировая тенденция второй половины 1920-х – 30-х гг., характеризующаяся усилением тоталитарных политических режимов.

Принятие репрессивно – карательного законодательства против инакомыслия лишь подчёркивает слабость политических сил, прячущихся за подобного рода нормативно-правовыми актами. Известный русский социолог, современник исследуемых событий П.А. Сорокин отмечал, что «государство пытается регулировать всю жизнь подданных. Населению предписывается, как и чем оно должно заниматься, как думать, как верить, во что одеваться, чем питаться, какие газеты читать, какие книги писать, каких ораторов слушать» [7, с.52]. Строки, написанные в 1920 г. предвосхищают появление тоталитарных режимов на политической карте мира. Но XX век, породивший тоталитарные режимы, также указал на их нежизнеспособность. Только сила убеждения способна охватить широкие слои общества, помочь политическим лидерам завоевать умы миллионов людей. Сила, основанная на страхе, а не на убеждении приводит к временной «иллюзорной» поддержке власти со стороны общества, которое в момент ослабления властных институтов отказывается от насильно навязанных ему политических идей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананиан Л.Л., Малаховский В.К. Преступность, преступник и жертва преступления. Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом. М., 2002. 104 с.
2. Елисеефф В., Елисеефф Д. Японская цивилизация. Екб.: У-Фактория, 2005. 526 с.
3. Кйба Д.В. Развитие советско – японских связей в сфере литературы в 1920 – 30-е годы // Новейшая история России, 2017. - №2. - С.130-143.
4. Мазуров И.В. Японский фашизм. Теоретический анализ политической жизни Японии накануне Тихоокеанской войны. М.: «Восточная литература» РАН, 1996. 157 с.
5. Овсянников Н.В. «Демократия Тайсё»: судьба либерализма в Японии в первой половине XX в. // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2008. №1. С.3-13.
6. Словарь терминов по истории государства и права зарубежных стран / под ред. И.И. Балаклеец. Калининград: МФЮА, 2013. 76 с. -

- URL: <https://determiner.ru/termin/zakon-ob-ohrane-obschestvennogo-sпокоistvija> (дата обращения: 24.08.2023).
7. Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. 560 с.
  8. Танин О., Иоган Е. Военно-фашистское движение в Японии. М.: Партиздат, 1933. 300 с.
  9. Шталь А.В. Малые войны 1920-х – 30-х гг. М.: АСТ, 2003. 544 с. – URL: <http://militera.lib.ru/h/shtal/03.html> (дата обращения: 12.09.2023).
  10. Японский милитаризм (военно-историческое исследование) / под. ред. Е.М. Жукова. М.: Наука, 1972. 376 с.
  11. См., например: Karel Van Wolferen. The Enigma of Japanese Power: People and Politics in a Stateless Nation. Vintage, 1990. 528 p.
  12. Sims Richard. Japanese Political History since the Meiji Renovation 1868-2000. New York: Palgrave, 2001. 419 p.

© Ветерков Александр Иванович (aveterkov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская открытая академия транспорта
Российского университета транспорта